

ЭТНОРЕАЛЬНОСТЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ

КЕТЫ ЕНИСЕЯ

Великие реки Северной Азии несут свои воды с юга на север, вбирая потоки времени и человеческие судьбы. В 2003 г. стартовал международный фотопроjekt “Восемь рек Северной Азии”. Его первым этапом стала фотоэкспедиция по Енисею, организованная и проведенная Фондом “Объективная реальность”, Агентством “Открытая Сибирь”, Фондом имени Юрия Кондратюка при поддержке ИАЭт СО РАН и Красноярского культурно-исторического центра.

Речные хроники легли в основу выставки “Река истории – истории реки”, частью которой стал репортаж Андрея Рудакова о современной жизни древнего народа – кетов с р. Елогуй (пос. Келлог Туруханского р-на Красноярского края). Эта хроника о жизни кетов начала XXI в. была отмечена первой премией конкурса Пресс-Фото России 2004 г. Ее появление стало возможно благодаря поддержке главы администрации Туруханского р-на Красноярского края С.Г. Юрченко и глав местных администраций С.Г. Масленникова и В.В. Ирикова, а также всех жителей пос. Келлога и прежде всего В.А. Романенковой.

Кеты – они же остяки, енисейские остяки, или енисейцы – стали известны миру с XVII в., когда на Енисей пришли российские первопроходцы. Собственное имя народа появилось лишь в XX в. как советская административная новация. Слово “кет” – “человек” стало его основой; “кет” – так мужчины обращаются друг к другу. Есть и другое слово – “дэз” – “люди”: люди Елогуя, люди береговые и лесовые, люди низовские и верховские. В XVII в. были известны имбаки – в бассейне Елогуя, земшаки – в низовьях Подкаменной Тунгуски и богденцы – в устье Бахты; эти крупные родовые подразделения, консолидированные в рамках волостных структур, были объединены верой в общих предков, героев и покровителей.

С XVIII в. те, кого позднее называли кетами, являлись объектом специального изучения. Открытие кетов в Европе связано с фотохрониками Ф. Нансена, привезенными из путешествия по Енисею 1913 г. С начала XX в. зона расселения кетов стала полигоном полевых исследований, особенно интенсивных с 1960-х гг.; на Енисее работала комплексная Северная экспедиция Института этнографии АН СССР, велись лингвистические, антропологические и этнографические изыскания.

Проблема происхождения кетов в академических кругах была сформулирована в середине XIX в. Норвежский путешественник Ф. Нансен, знакомый с трудами А. Кастрена, В. Радлова, К. Доннера, Д. Анучина и др., считал кетов потомками народа, некогда широко распространенного в пределах Азии. Он также ссылаясь на гипотезу норвежского ученого А. Ганзена, который причислял кетов (енисейских остяков) к племени, населявшему Скандинавию, а еще раньше, быть может, большую часть Европы. “Впрочем, – писал Нансен, оценивая гипотезы антропологов своего времени, – если даже гипотезы покоятся на шатком основании, народ этот сам по себе в высшей степени интересен и заслуживает более детального изучения, нежели какого удостоивался до сих пор. А главное – енисейские остяки очень быстро вымирают, и общая численность их в наше время всего около 700–900 человек; в лучшем случае не наберется все-таки тысячи” [Нансен, 1982, с. 132–133].

По данным официальной статистики, численность кетов в Енисейской губ. конца XIX в. (на 1897 г.) составляла 988 чел. И хотя эта цифра оставалась стабильной на начало XX в., кетам предрекали скорое исчезновение. Вымирающий народ, исчезающий язык, гибнущая культура – такие мрачные диагнозы витали над кетами все последнее столетие, подстегивая ученых в стремлении разгадать тайну их происхождения, сохранить язык, спасти народ. Казалось, еще немного, еще одна экспедиция – и загадки будут разгаданы. Двести лет ученые бились над проблемой происхождения маленького народа, но слава открытия была завещана будущим поколениям [Алексеев, 1999, с. 12].

Предками кетов называли хеттов, динлинов и гуннов; в их облике выделяли европеоидные (арийские), американоидные, монголоидные черты. Многочисленные антропологические и генетические исследования установили их сходство с народами уральской и южно-сибирской рас. Южное происхождение кетов не вызывало сомнения, однако попытки связать их генезис с какой-либо древней культурой Евразии были неубедительны.

Предполагают, что кеты пришли на север с верховьев Енисея в начале новой эры, что на степных просторах Сибири их культура предшествовала культуре

европеоидов бронзового века. Но как и когда появились предки кетов в границах Саяно-Алтайского кольца – эти вопросы остаются открытыми. Считают, что предки современных кетов сформировались в эпоху бронзы на юге междуречья Оби и Енисея в результате смешения европеоидов Южной Сибири с древними монголоидами. Позднее (в I тыс. н.э.) они вступили в контакт с тюрко-, самодийско- и угорязычным населением.

В общей расовой классификации по комплексу антропологических признаков кеты являются монголоидами с ослабленной выраженностью монголоидных черт. В настоящее время сформулировано положение, что уральские черты кеты приобрели достаточно поздно, поэтому енисейский антропологический тип может быть выделен в самостоятельный систематический ранг. Но данная позиция также является дискуссионной. Полагают, что в результате миграций (возможно, нескольких волн) кеты проникли на Енисейский Север, но достоверных памятников, фиксирующих их появление в этом регионе, не известно [Кетский сборник..., 1982].

В ходе историко-этнографических и историко-лингвистических исследований удалось установить, что современные кеты являются частью енисейской языковой общности, включавшей аринов, асанов, яринцев, байкотовцев и коттов, которые в течение XVIII–XIX вв. были ассимилированы окружающими их народами и вошли в состав отдельных групп хакасов (качинцев), тувинцев, шорцев, бурят. Кетский язык (разделенный на имбатский и сымский диалекты) является реликтовым языком Сибири. Он занимает изолированное положение и не входит ни в одну из языковых групп Северной Азии. Лингвисты все чаще обращают внимание на общие черты в основных принципах построения кетского языка и языков народов Кавказа, басков и североамериканских индейцев. С конца XIX в. существует гипотеза о родстве енисейских языков с китайско-тибетскими, но кетский скрывает тайну своего происхождения [Дульзон, 1968].

Древние топонимы Алтус, Дубчес, Сандакчес, Панакачет, Почет, Тропончеть – кетские названия притоков Енисея – обозначают границы прежнего расселения одного из самых загадочных народов Северной Азии.

Ныне кеты проживают в северной части Красноярского края, преимущественно на территории Туруханского р-на, по притокам Енисея – Елогую (пос. Келлог), Сургутихе (пос. Сургутиха), Пакулихе и Курейке. Подкаменная группа кетов (пос. Суломая), согласно современному административному делению, локализуется в Байкитском р-не Эвенкийского автономного округа.

В 1926 г. кетов насчитывалось 1428; в 1970 г. – 1182, в 1979 г. – 1122; перепись 1989 г. зафиксировала 1113 кетов (в границах СССР). Сегодня кеты живут почти в 20 селах по Енисею. По экспертной оценке В.П. Кривоногова, в 1991–1993 гг. население пос. Келлога составляло 405 чел., из них 247 кетов, пос. Суломая – соответственно 243 и 154, пос. Сургутиха – 299 и 91, пос. Мадуйка – 86 и 53. Согласно официальной статистике, в 1993–1994 гг. в России насчитывалось 1089 кетов, 994 из них проживали в Красноярском крае [Кривоногов, 1998, с.10–13].

По данным отдела региональной и муниципальной статистики, на 1.01.2003 г. численность кетов в Туруханском р-не Красноярского края составляет 794 чел.: в Келлогском сельсовете – 216 чел. (119 мужчин, 97 женщин), в Туруханском – 159 (соответственно 61 и 98), в Борском – 64 (23 и 41), в Горошихинском – 57 (28 и 29), в Серковском – 55 (34 и 21), в Сургутихинском – 53 (32 и 21), в Бахтинском – 40 (20 и 20), в Верещагинском – 33 чел. (16 и 17) и т.д.

Во многих селах на Енисее (Ярцево, Ворогово, Верхнеимбатск, Бакланиха, Фарково, Костино, Зотово и др.) остаются лишь отдельные семьи кетов, многие из которых влечат существование люмпенов. Для центральной части этнической территории, на участке Енисея от Туруханска до Верхнеимбатска, в последние десятилетия более всего характерны процессы, ведущие к полному исчезновению коренного населения.

Кеты конца XIX–XX в. оставались охотниками и рыболовами таежных северных рек, но в их культуре отмечали много южных черт. Своеобразие традиционного бытового уклада этого народа определял синтез таежного производственного комплекса (землянка, заготовка продуктов впрок, меховая парка и составная обувь, культы земли, промысловых животных и др.) с элементами культуры центрально-азиатских кочевников (чум, халатообразная одежда, кузнечество и др.).

Исконными занятиями кетов были рыболовство, охота на лося и оленя, водоплавающую и боровую дичь. С введением ясака, а затем с развитием товарных отношений в регионе получила распространение пушная охота (на соболя, белку и др.). В прежние времена кетские луки и холодное оружие славилась на Енисейском Севере и были предметом обмена.

Займствованное в XVII–XVIII вв. у самодийцев (ненцев, энцев) транспортное оленеводство получило развитие у кетов, живших по равнинному левобережью Енисея (по Дубчесу, Елогую, Сургутихе, Пакулихе), а также в бассейне Курейки; кеты Подкаменной Тунгуски оленей не держали. До коллективизации самое многочисленное стадо в 250 голов было у курейских кетов. В левобережных районах оленей

использовали исключительно в транспортных целях, при переездах во время охотничьего промысла. Обычно семьи имели 10–20 оленей [Клоков, 2001].

Во время обследования охотничье-промыслового хозяйства Туруханского р-на, которое проводилось в 1973–1976 гг. в рамках программы “Оленеводство и оленеводческие народы Севера России” К.Б. Клоковым, было установлено, что некоторые группы кетов продолжали использовать оленьи упряжки для охотничьего промысла: на севере кеты из пос. Серково и с Мундуйского озера охотились на оленях в бассейне р. Курейки и на ее притоке Деген; небольшое количество транспортных оленей жители поселков Бакланиха и Сургутиха держали в бассейне Пакулихи; у елогуйских кетов было два небольших стада – одно около пос. Келлога, другое – на оз. Дынба [Там же]. По данным В.П. Кривоногова 1992 г., в пос. Мадуйка оставалась единственная кетская семья, имевшая пять оленей. К настоящему времени кетское оленеводство полностью утрачено [Кривоногов, 1998, с. 23].

Еще в 1970-х гг. исчезли с притоков Енисея последние берестяные чумы; ушли из жизни последние шаманы; национальная одежда, оружие, утварь превратились в музейные экспонаты; сузилось языковое и культурное пространство этноса. Хозяйственные реорганизации советского периода (создание колхозов и промхозов; перевод на оседлость и ликвидация неперспективных сел) привели к вытеснению коренного населения из промысловой сферы. Последние десятилетия кеты живут в больших многонациональных поселках.

Нынешняя столица кетов Келлог – это таежное село, расположенное на высоком берегу Елогуя: брусовые бараки эпохи социализма, новые рубленые дома крепких промысловиков; спутниковая антенна над администрацией; гудящий почти круглые сутки движок. В поселке летом 2003 г. проживало 350 чел., в т.ч. чуть более 200 кетов; а кроме них есть русские, селькупы, украинцы, буряты, иранцы, татары; на тридцать с лишним полных семей приходится приблизительно столько же неполных.

Различия в промысловом природопользовании между кетами и некоренным населением сnivelированы. Из-за высокой конкуренции и несовершенства законодательной базы сокращаются возможности для ведения традиционных охоты и рыболовства; и хотя среди кетов есть преуспевающие промысловики, в целом уровень жизни большинства кетских семей крайне низок.

В 1980-х гг. на территории компактного проживания кетов создали заказник “Туруханский”. В 1994 г. ему был придан статус эколого-этнического заповедника, на базе которого возникло экспериментальное охотничье-рыболовное хозяйство “Экотайга”, призванное способствовать возрождению традиций при-

родопользования кетов. Однако проблемы сбыта, организационные и финансовые трудности поставили под сомнение эффективность проекта, как и многих других начинаний. В начале 2000-х гг. администрация Красноярского края ввела социальные субсидии для коренного населения – “кетские деньги”, которые не сняли проблемы, а лишь обострили ситуацию в полиэтническом сообществе региона. По данным Красноярской краевой ассоциации кетского народа, на конец 1990-х гг. 80 % кетов были безработными и столько же находились за чертой бедности. Положение кетов последнего десятилетия продолжает оцениваться как критическое. И хотя по данным переписей XX в. их численность оставалась стабильной, об угрозе исчезновения этого народа говорили и говорят всюду на Енисее [Трофимова, 1996]. При анализе этносоциальной ситуации в регионе эксперты обращают внимание на сохранение угрозы алкогольной зависимости северян, ухудшение физического и репродуктивного здоровья, усиление ассимиляционных процессов в среде коренного населения.

Кетский этнос меняет свой облик. По данным этнодемографических исследований, в конце 1930-х гг. кетские однопородные семьи составляли 88,1 %, смешанные с северными народами – 10, с русскими 1,9 %; в конце 1960-х гг. – соответственно 68,8, 23,7 и 7,5 %. На начало 1990-х гг. однопородных семей 41,1 %, смешанных с северными народами – 8,7, с европейскими народами – 50,2 %. Эти изменения были квалифицированы как прорыв эндогамии [Кривоногов, 1998, с. 48–68].

Однако за годы вызванного реформами кризиса произошел значительный отток из кетских поселков некоренного населения, а нарушение транспортных связей усилило изоляцию. Это замедлило темпы ассимиляции и создало дополнительные предпосылки для формирования национального самосознания. Но уровень метисации кетов уже очень высок; по мнению исследователей, он коррелирует с утратой языка и отказом от традиционных ценностей. Известно, что в 1959 г. из 1017 кетов на родном языке говорили 786; в 1989 г. лишь половина из 1113 кетов считала родным кетский язык. На начало 1990-х гг., по данным В.П. Кривоногова, родным кетский оставался для 32 % аборигенного населения; при этом идею его преподавания и изучения поддерживали 70,1 % кетов [Там же, с. 32–42].

Проблема возрождения языковой практики кетов возникла в 1980-х гг. Точкой отсчета в становлении преподавания национального языка считают постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР “О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера”, в котором, кроме прочего, было указано на необходимость развития письменности на языках народов

Севера. Были созданы букварь и учебные пособия, началось восстановление преподавания кетского языка в школах, прерванного в 30-х гг. XX в. С созданием Ассоциации коренных малочисленных народов Туруханского р-на Красноярского края в 1995 г. эта тема стала широко обсуждаться в районной и краевой прессе. В Туруханске возникла лаборатория кетского языка. Экспериментальные программы были предложены для школ в поселках Суломае и Келлоге. В келлогской школе учатся 72 ученика, 59 из них – кеты; с 2003/04 уч.г. здесь начали преподавать кетский язык. Хотя, по мнению экспертов, процесс забвения приобретает необратимый характер. Как полагает В.П. Кривонов, кеты при сохранении этнического имени и самосознания неумолимо превращаются в русскоязычных метисов [Там же, с. 84].

Исчезает традиционный образ жизни, меняются мировоззренческие стандарты. Во многих домах кетов все еще хранятся грозные куклы – изображения духов-предков, по-прежнему сохраняются представления о духах природы и героях древности. Но все большее количество кетов принимает крещение. В 1997 г. по кетским поселкам прошел миссионерский рейд Красноярско-Енисейской епархии, в ходе которого только в Келлоге было совершено 30 обрядов крещения. Постоянную заботу о духовном преображении Енисейского Севера проявляет наместник и братия Туруханского Свято-Троицкого монастыря.

Все большее влияние на духовную жизнь жителей Енисея и его притоков оказывают протестантские общины. В последние годы во многих приенисейских селах, в т.ч. в местах компактного проживания кетов – в Суломае и Келлоге, созданы центры христиан-евангелистов. Красноярское отделение Сибирской христианской миссии милосердия (христиан-евангелистов) проводит большую работу среди коренного населения по утверждению христианских добродетелей, которая сопровождается гуманитарной помощью. Христиане-евангелисты имеют опыт организации летних оздоровительных лагерей для детей коренных народов Севера. Предпринимаются попытки создания малых предприятий, ориентированных на традиционные охотничьи-рыболовецкие практики.

В пос. Суломае (на Подкаменной Тунгуске), где сегодня живет ок. 200 кетов (более 2/3 населения) и где в 2000–2002 гг. ледоходом были снесены почти все дома, теперь при поддержке Фонда Ф. Нансена миссия христиан-евангелистов строит новые. Проповедь христианской веры и утверждение новых соционормативных стандартов заполняет лакуны, связанные с утратой традиционных устоев. Перемена веры и образа жизни вызывает тревогу у многих жителей; и вновь в разговорах о судьбе кетов возникают сомнения в настоящем и вопросы о будущем.

Фоторепортаж о кетах Енисея подготовлен Андреем Рудаковым.

Список литературы

- Алексеев Е.А.** Кеты. – СПб.: Просвещение, 1999. – 111 с.
Дульзон А.П. Кетский язык. – Томск: – Изд-во Том. ун-та, 1968. – 635 с.
Кетский сборник: Антропология, этнография, мифология, лингвистика. – Л.: Наука, 1982. – 250 с.
Клоков К.Б. Оленеводство и оленеводческие народы Севера России. – СПб., 2001. – Ч. 2: Север Средней Сибири. – http://www.rangiter.org/main_ru.shtml
Кривонов В.П. Кеты на пороге III тысячелетия. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 1998. – 87 с.
Нансен Ф. В страну будущего. – Красноярск: Кн. изд-во, 1982. – 335 с.
Трофимова Л. Дали б кетам пароход, ели б осетров и рябчиков // Красноярский комсомолец. – 1996. – № 70 (6 июля).

И.В. Октябрьская

*Институт археологии и этнографии СО РАН
 пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск,
 630090, Россия
 E-mail: siem405@yandex.ru*

А.М. Шубская

*Культурно-исторический музейный центр,
 Красноярск
 E-mail: sacha777@muzei.krsn.ru*

А.К. Рудаков

*Агентство "Newsweek", Москва
 E-mail: rudakov@msx.ru*

1. Виктор Харлампьевич Бальдин, пос. Келлог.

Виктор Харлампьевич Бальдин летом живет один на берегу Елогуя в нескольких километрах от Келлога. Плетет из ивовых прутьев морды (ловушки для рыбы), продает их в поселке. Ловит рыбу. За очередным поворотом Елогуя возникает на белом песке речного плеса его маленький шалаш (тунгус) с каркасом из гнутых прутьев; дремлют собаки, сушатся на шестах сети (пуцальни), горит огонь, жарится на рожнях рыба. Старик живет между водой и небом. За его плечами 78 лет – опыт колхозного строительства, войны, советских пятилеток и тысячелетний опыт предков, для которых домом была река.

2. Полдень на р. Елогуе.

3. Виктор Харлампьевич Бальдин в ветке на р. Елогуе.

Традиционный мир вещей рыбаков и охотников Енисейского Севера, кочующих от берега в тайгу, из тайги к берегу, и прост, и сложен. Вещи не предполагают преобразования мира, они лишь усиливают возможности человека. Соразмерные ему, они конструируются в антропометрическом измерении. Чтобы создать лодку-долбленку средних размеров (для человека с собакой), нужно найти осину длиной в три маха; объем ее должен быть таким, чтобы при обхвате дерева правой рукой можно было коснуться середины тыльной стороны ладони левой. Само название лодки-долбленки – дылгити – в кетском языке буквально означает “ребенок-долбленка”. Вещи находятся в родственных отношениях с создавшими их людьми.

4. Юрий Михайлович Сутлин плетет морду на берегу Елогуя.

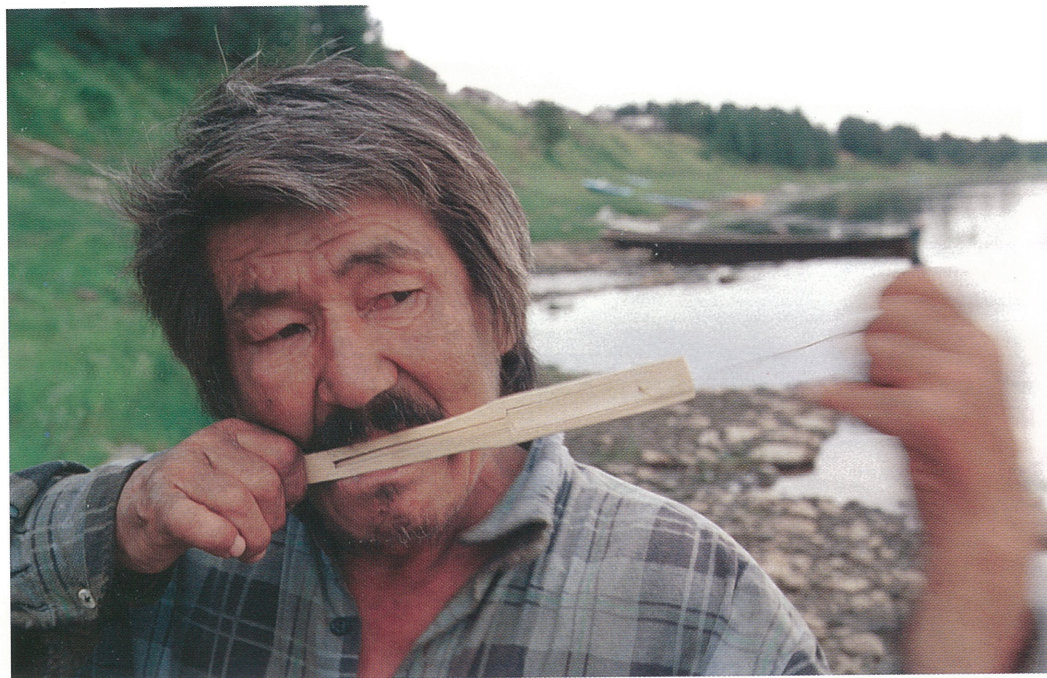

5. Леня Бальдин на плесе Елогуя у родового стойбища.

Леня Бальдин, как и все промысловики Келлога, знает каждый поворот, каждый омут на Елогуе. Время от времени он возвращается на место семейной стоянки в бору над рекой, где проходило его детство. Последние чумы исчезли в здешних местах в 1970-х гг. Семь главных шестов каркаса – основа основ бытия – до сих пор стоят среди деревьев, висит на сучке уже ржавая керосиновая лампа, лежит под деревом чайник. Кеты не трогают старых вещей. Нельзя брать чужое, тревожить прошлое, оно может мстить живым.

6. Ульяна Афанасьевна Тыганова из селькупского рода Ириковых, связанных с кетами давним родством, зажигает в чулане керосиновую лампу перед крошечной тряпичной куклой – дангольс – грозным дедушкой, духом.

7. Михаил Михайлович Ириков играет на пымэле.

Инструмент рождается тут же из щепы березы – поющего дерева. Странная мелодия стелется над водой вслед за дымом костра. В ней шелест человеческого дыхания сливается с вибрацией живого дерева. Кеты считают, что у каждого человека должна быть личная мелодия – собственная, как душа и имя, не то, которое записано в паспорте, а то, что дается при рождении и скрыто от посторонних, – оно свое, кетское.

8. Молодая мама кормит грудью ребенка.

9. На берегу Елогуя.

По утрам на реке проверяет снасти Александр Максимович Котусов – эвенк по отцу, кет по матери, 48 лет, одинокий, судимый; варит рыбу для себя и двух своих собак, коротает дни в ожидании охотничьего сезона и сочиняет песни на родном кетском языке – они получаются очень грустными.

10. На охотничьей фактории пос. Келлога.

Основным средством существования для кетов – жителей Келлога, как и прежде, остается охота.

11. Вера Ивановна Бондарева – учитель средней школы пос. Келлога.

Вера Ивановна хранит старинные кетские вещи, собранные на старых стойбищах. В ее музее – оружие, берестяная утварь, одежда. Вещи хранятся в сундуке, лишь изредка их достают, чтобы показать детям, какой была культура их народа.

12. На улице пос. Келлога.